
1.

«Я смотрю в окно и вижу окружающий мир, а вернее, его кусочек. Ровно столько, сколько позволяет пыльное оконное стекло. Вон слева высокая береза, ее ствол тянется далеко вверх, где-то там, на уровне самых последних этажей, ее крона, множество ветвей и листьев. Мне с первого этажа виден только ствол — могучий, круглый, покрытый серой корой с черными крапинами. Под этим стволом чего только не происходит: играют ребятишки, пьяницы распивают поллитровку, старушки-сплетницы обсуждают жильцов, собачки задирают лапу, справляя нужду.

Я люблю березу, точнее, ее основание. Люблю чахлый кустик жасмина напротив подъезда. Мне ужасно хочется полить его, чтобы он перестал сохнуть, расправил листочки, выпустил бутоны. Но, увы, я не могу этого сделать, как не могу пройти по тенистому дворику и выйти на дорогу, по которой мчатся автомобили. Я знаю, они не такие, как прежде, во времена моей юности. Тогда пределом мечтаний была «Волга», ну или «Чайка» — на ней ездили исключительно важные персоны. А теперь машин великое

множество, одна другой красивей. Я вижу их на парковке, позади детской площадки. Там стоят разноцветные, блестящие новенькие автомобили и терпеливо дожидаются своих хозяев. А мне ужасно хочется взглянуть, как они несутся по шоссе — стремительно, как птицы, мелькая колесами, сверкая огоньками.

Но до шоссе далеко — много-много шагов, а я не могу сделать ни одного. Поэтому мне остается лишь сидеть у окна и мечтать, что однажды случится чудо и я буду ходить. Смогу самостоятельно выйти во двор и полюбоваться на крону березы, полить увядающий жасмин, дойти до дороги. Ведь никто не может запретить человеку мечтать!

Иногда, впрочем, бывает праздник и на моей улице. Дверь комнаты раскрывается, и на пороге возникает Галка. У нее смеющиеся глаза, красные щеки и крутые завитки волос надо лбом. В руках она неизменно держит связку бананов — золотистых, перезрелых, с черными крапинками. Галка почему-то считает, что есть можно только такие бананы, чуть подгнившие, а чистые — значит неспелые. Галка кладет бананы на стол, вывозит из коридора старенькую коляску, сажает меня в нее, и мы едем вниз. Колеса весело поскрипывают. Пандусов в нашем доме нет, и Галка аккуратно перемещает коляску со мной со ступеньки на ступеньку. Всего их пять, и ура — мы на улице.

Дует теплый ветерок, наполняя кислородом мои скукожившиеся легкие. Вокруг целое море звуков и запахов.

Я задираю голову и вижу листья березы. Они шумят на ветру, колышутся, о чем-то шепчутся друг с другом. Галка весело щебечет, рассказывая о том, что было сегодня в школе. Я стараюсь слушать ее, но у меня получается с трудом. Я жадно и ненасытно впитываю окружающий меня мир — не его клочок, а целый мир, без границ. Я знаю, следующий раз наступит не скоро. А зимой и вовсе ничего этого не будет: много снега, холодно. Галка не может одевать меня и толкать коляску по сугробам. Остается ждать весны.

Но я не унываю. Я сижу у окна и вяжу варежки, носки, шарфики и свитера. Иногда забавные игрушки — зайчиков, мишек, слонят. Мелькают спицы, вытягивая петельки — раз-два, раз-два. Клубок, лежащий на подоконнике, крутится и уменьшается. А за окном идет жизнь — то дождь, то снег, то листопад. Не успеешь оглянуться — а она уже подходит к концу... Раз-два, раз-два, две лицевых и изнаночная...»

2.

Никита Кузьмич с утра был не в духе. Ночью во сне он так неудачно повернулся, что у него прострелило бок. С трудом поднявшись с постели, он, кряхтя, прошаркал в ванную, умылся холодной водой и с отвращением заглянул в зеркало. Ну и рожа! Под глазами морщины, седые волосы всклокочены, в глазах застыло выражение адской скуки.

В дверь постучали.

— Никитка, ты что там, уснул? — крикнула Надежда Сергеевна. — Завтрак готов.

— Иду, — ворчливо ответил Никита Кузьмич и снова покосился на свое отражение. Он покачал головой, смачно плюнул и, повесив полотенце на крючок, вышел в коридор.

В кухне было тепло и уютно, вкусно пахло сырниками. Никита Кузьмич, охая и стелая, с превеликим трудом опустился на табурет, покрытый цветастой подушкой.

— Что с тобой? — ласково спросила Надежда Сергеевна, ставя перед ним тарелку, на которой в сметане лежали румяные, поджаристые сырники, ровно пять штук.

— Да спину потянул, будь она неладна, — пожаловался Никита Кузьмич. — Ни повернуться, ни вздохнуть.

— Ах ты, болезный мой, — сочувственно произнесла Надежда Сергеевна. — Ну покушай, а я после разотру тебя пчелиным ядом. Кушай, кушай. — Она присела напротив, с пристрастием глядя на мужа.

Никита Кузьмич вздохнул и взялся за вилку. Есть ему совсем не хотелось, но, если отказаться, Надя станет переживать. У нее ведь единственная радость — целый день торчать у плиты. Готовит как в ресторане: то мясо по-французски, то курица по-польски, то торт испечет, да такой, что язык можно проглотить. Одна беда — без надобности это все Никите Кузьмичу. Он с юности привык

питаться просто и ограниченно, потому и фигура к старости такая, какой и у многих сорокалетних нет — плоский живот, поджарые бедра, ни грамма лишнего жира. Он бы вполне удовлетворился гречкой на завтрак и борщом на обед, а ужин традиционно отдал бы врагу. Но нет — тут тебе и сырники, и ватрушки, и плюшки, и прочая фигня, от которой слабеют мышцы, кости и ткани становятся рыхлыми, и вот уже тянет бок, шею, крестец...

— Батюшка, ты что не кушаешь? — Надежда Сергеевна смотрела на него с укоризной. Позади нее на подоконнике так же укоризненно раскинул колючие ростки столетник, словно руками развел в негодовании.

— Я ем, матушка. — Никита с досадой обмакнул сырник в сметану и отправил его в рот, затем другой. — Все. Сыт. Благодарствую.

— Да как же сыт, когда еще полная тарелка? — расстроилась Надежда Сергеевна. — Ну хоть еще один!

— Нет, — твердо произнес Никита Кузьмич. — Лучше чаю мне налей.

Надежда Сергеевна послушно поднялась, налила в красивый голубой бокал кипятку, кинула туда пакет с заваркой.

— Лимончик положить?

— Положи.

После завтрака Надежда Сергеевна тщательно растерла спину и бока Никиты Кузьмича мазью с пчелиным

ядом, затем закутала его своей шерстяной шалью и велела полежать пару часов. Никита Кузьмич лежал на диване с видом мученика, смотрел нудную передачу по телевизору, и ему было отчаянно скучно. Наконец он решительно щелкнул пультом и крикнул:

— Надюша!

— Что, папулечка? — ласково отозвалась та и заглянула в комнату. Руки у нее были по локоть в муке.

— Опять плюшки? — Никита Кузьмич нахмурил седые кустистые брови. — Заканчивай ты с этим, мать. Сколько, ей-богу, можно!

— Да что еще делать, Никитушка? — растерянно произнесла Надежда Сергеевна. — Все какой-то интерес.

— Глупости это, а не интерес, — буркнул Никита Кузьмич. — Давай, что ли, на дачу завтра поедем?

— Так как поедем, батюшка, если ты нездоров? — Надежда Сергеевна всплеснула руками. — А ну как окончательно надорвешься? Не ровен час, в больницу загремишь.

— Не надорвусь. — Никита Кузьмич решительно сел и тут же скорчился от боли.

Надежда Сергеевна бросилась к нему.

— Вот видишь! Разве можно? Тебе покой нужен и тепло. А я завтра доктору позвоню, Андрей Иванычу. Пусть приедет, поглядит тебя.

— К черту доктора, — Никита осторожно спустил ноги с дивана. — Ай! Черт бы побрал этот бок. Уй-уй-уй. —

Кряхтя и охая, он побрел в кухню. Достал с полки бутылку коньяку, плеснул в рюмку, с шумом втянул носом воздух и выпил залпом.

— Зря ты, Никитушка, — неуверенно проговорила Надежда Сергеевна, входя за ним следом. — Зря. Давление подскочит.

— Да хоть и подскочит, — сердито огрызнулся Никита Кузьмич. — Надоело трястись над собой, как над писаной торбой. Скажи лучше, Колька звонил сегодня?

— Звонил. — Надежда Сергеевна опустила голову.

— Врешь ведь. — Он налил еще стопку.

— Не вру, звонил он. Правда, не сегодня — позавчера.

— Позавчера... — Никита Кузьмич залпом выпил. —

Праздник на нашей улице.

— Зря ты так. — Надежда Сергеевна вздохнула и принялась с остервенением месить тесто. — Зря.

— Не зря, и ты это не хуже меня понимаешь.

— Просто ему некогда, Коленьке. Сам знаешь, работа у него. Дела.

— Но позвонить-то матери можно? — Никита Кузьмич подошел к жене и осторожно положил руку ей на плечо. — Разве для этого много времени нужно?

— Не нужно, — прошептала Надежда Сергеевна. — Да ты не злись на него, батюшка. Завтра, даст бог, на дачу поедем. Костерок зажжем, я колбаски пожарю. Чего тебе Коля? У него своя жизнь, у нас своя.

— У него своя, у Алки своя. Мы детей своих раз в полгода видим. И слышим примерно так же.

Никита Кузьмич отнюдь не сгушал краски. Дочь Алла сразу после института укатила в Германию на стажировку, благо у отца были на это средства. Там она и осела: устроилась на хорошую работу, вышла замуж за немца и родила сына, которого назвала Рудольф, что для русского уха звучало слишком похоже на Адольф, а потому вызывало высшую степень неприязни и отторжения. Приезжала она в Москву редко, раз в год, правда, исправно звонила по скайпу, но разговоры эти как-то не клеились, были скучными и натянутыми.

Сын же Николай жил совсем рядом, в соседнем районе. Он рано женился, наплодил двоих детей и тут же развелся. Невестка с бывшими свекрами отношения не поддерживала, внуков им не привозила. Сам же Колька вел привольный образ жизни — менял баб, как перчатки, ездил на горнолыжные курорты, тусовался по клубам. Престарелых родителей вниманием не баловал, а если и заявлялся в гости, то в основном за материальной помощью. Никита Кузьмич на детей сердился, но все равно любил их и в глубине души надеялся, что когда-нибудь все изменится и семья вновь воссоединится...

Надежда Сергеева вздохнула и ласково потрепала мужа по волосам.

— У всех так, Никитушка, — постаралась утешить она его. — Они же знают, что мы вместе, вдвоем, нам не скучно.

— Скучно! — Никита Кузьмич рубанул ладонью по столу так, что тазик с тестом подпрыгнул и съехал в сторону. — Скучно нам! Приехали бы в гости! Съели бы твои плюшки! Посидели бы, чайку попили, а потом погуляли.

— Не кипятись, дружок. — Надежда Сергеевна ласково погладила его по щеке. — На что они тебе? Вырастили, выучили, и слава богу. Давай вот я тебе картошечки горячей с маслицем положу? Давай?

— Ну давай. — Никита Кузьмич обреченно опустил ся на стул.

3.

Назавтра ему стало легче настолько, что он без труда сел за руль своего старенького «Шевроле» и покатил с Надеждой Сергеевной на дачу.

Супруги Авдеевы всегда жили в достатке. Никита Кузьмич до пенсии занимал высокий пост директора ликероводочного завода. Большая часть его карьеры пришлось на советское время. Ни супруга его, ни дети ни в чем не знали отказа. Все блага той эпохи — кооперативная трехкомнатная квартира, фирменная заграничная одежда, продукты, бывшие для обычных людей дефицитом, а еще новенькая «Волга» и фундаментальный кирпичный дом-дача — были доступны их семейству. Они ежегодно ездили к морю, отдыхали в элитных подмосковных санаториях, лечились на водах.

Никита Кузьмич характер имел крутой, но, несмотря на это, был любимцем у подчиненных. Жесткий, хваткий, деловой, он обладал всеми качествами прирожденного руководителя. Именно они помогли ему в 90-е удержаться на плаву. Его завод не закрылся, подобно сотням других, перестроился, нашел каналы сбыта, отыскал поставщиков и стал процветать. Никите Кузьмичу в ту пору шел шестой десяток. Он был здоров как бык, мотался по командировкам, помогал выросшим детям материально. А в свободное время достраивал дачку, перекраивая ее на современный лад: сделал там и гостиную с камином, и бассейн, и зону барбекю, и даже маленькое футбольное поле, на котором гости могли погонять мяч.

Все бы и дальше шло отлично, если бы не грянул гром среди ясного неба: случился у Никиты инфаркт — неожиданно, подло, коварно, когда ничто не предвещало беды. Сидел за столом, вел совещание и внезапно почувствовал острую боль в груди, затошнило, зазеленело перед глазами. Никита Кузьмич скрипнул зубами: «Продержаться бы еще минут пять, закончим, и к доктору». Но продержаться не удалось — кабинет вдруг поглотили сумерки, а потом наступила полная тишина. Очнулся Никита в реанимации, рядом сидели заплаканная Надежда Сергеевна и дети. Поначалу он не понимал, насколько все серьезно, все норовил встать с кровати: за завод беспокоился, там как раз выгодный контракт назревал, нужно было не зевать. Но врач — пожилой, седой профессор-кардиолог — все ему

быстренько объяснил: мол, все важные дела закончились, теперь только кушать, спать да гулять во дворе, а не то следующий контракт не в этом мире придется подписывать.

Для Никиты Авдеева это стало ударом. Сильный, крепкий мужчина, надежда и опора семьи, любимец женщин, он в одночасье превратился в инвалида, боящегося сделать лишнее движение. Да что там движение — и дышать-то глубоко поначалу было страшно! Надежда Сергеевна после выписки квохтала над ним, как наседка: не разрешала вставать, носила еду в постель, кутала в шарфы и свитера, пичкала лечебными травами. А Никита медленно умирал. Нет, не от сердца — его врачи починили, а от невестребованности и непривычного безделья. Никогда не сидевший дома, он безмерно тяготился пребыванием в четырех стенах, требовал телефон, пытался звонить на работу, давать указания. Но бедное заштопанное сердце не хотело больше трудиться: болело, щемило, кололо и норовило остановиться. Одна за другой приезжали «Скорые», делали уколы, кардиограммы. Надежда Сергеевна отключила телефоны и увезла мужа в санаторий — надолго, на три месяца. Там, гуляя по лесным дорожкам, купаясь в серной ванне и попивая вечерний кефир, он немного успокоился и смирился. Перестал дергаться, начал смотреть телевизор, читать книги, словом, вошел в ритм жизни пенсионера.

Надо отдать должное Надежде Сергеевне — она целый год выхаживала мужа. Сделала все возможное, чтобы смертельная опасность, нависшая над ним, миновала.

Через год тот же седой профессор осмотрел Никиту и удовлетворенно покивал:

— Все хорошо, дорогой мой. Сердце ваше в полном порядке. Можете прибавить активности. Займитесь ходьбой, плаванием.

— А на работу? — робко спросил Никита Кузьмич. — Можно на работу выйти? Хотя бы не на полный день.

Врач насупил густые брови:

— О работе даже не думайте! Живите, как все с вашим диагнозом. И скажите спасибо супруге...

Так и пошло. Надежда Сергеевна вскоре тоже уволилась и засела дома, ухаживать за мужем. В деньгах они не нуждались: за жизнь удалось скопить приличную сумму, которая теперь лежала в банке и давала неплохие проценты. Супруги путешествовали, ездили на дачу, иногда принимали у себя друзей. Вот только с внуками не сложилось. Надежда Сергеевна относилась к этому философски, а Никита Кузьмич обижался. Он так и не притерпелся к роли пенсионера, жизнь казалась ему пустой и скучной, пресной, как бессолевая диета. И даже поездки на дачу не сильно радовали.

Надежда Сергеевна, напротив, фазенду любила. Развела всякие цветочки-ягодки, хлопотала на грядках, делала заготовки. Вот и в этот раз она с увлечением орудовала секатором, отрезая засохшие ветки разросшегося у беседки шиповника. А Никита Кузьмич сидел в удобном кресле-качалке на веранде и с грустью смотрел на увитый девичьим вино-

градом забор. Он вспоминал молодость. Как было здорово – каждый день, как бой, кипучий, огневой, полный стрессов и побед! Эх, где теперь его адреналин? Куда делся? Собаку, что ли, завести, как посоветовал недавно близкий друг. «Заведи пса, Кузьмич, большого, серьезного. Будешь его любить, а он тебя. Глядишь, и депрессия отступит. Собаки, они лучше людей, поверь». Никита Кузьмич представил, как у его ног лежит огромный черный дог, с блестящей шерстью и умными глазами-бусинами. Можно назвать его как-нибудь аристократично – Байрон, например. Или Лорд...

– Никитка, иди, помоги мне костер разжечь! – крикнула Надежда Сергеевна,

Никита поднялся и пошел разводить огонь. Потом они сидели за уютным плетеным столиком, ели поджаристые колбаски и печеную картошку, пили душистый чай с листьями смородины. Никита Кузьмич все думал про собаку.

– А что, Надюш, если нам пса завести? – спросил он у жены.

– Пса? – Она поставила чашку и с удивлением взглянула на него. – Какого? У Тони вот йорк живет, миленький такой. Может, его?

– Да ну твою Тоню, – сердито отмахнулся Никита. – Йорк разве собака? Тьфу, одно название. Я настоящего пса хочу. Дога, например. Или ротвейлера.

– Ох, батюшка, это сколько ж мяса ему нужно! А грязи-то будет, наверное. – Надежда Сергеевна сокрушенно помотала головой. Затея мужа ей явно была не по душе.

— Ну как знаешь, — обиделся Никита. Однако он знал, что жена в конечном счете с ним согласится. Так оно и вышло.

— Да я что, я разве против? — засуетилась Надежда Сергеевна. — Хочешь дога, давай дога. Только где ж мы его возьмем?

— Я Сашке Куролесову позвоню, он нам щенка привезет. Даже нескольких, на выбор.

Сашка Куролесов был давнишним другом Никиты Кузьмича, одним из тех немногих, которые не исчезли после того, как он отстранился от дел. Несмотря на разницу в возрасте — Куролесов значительно моложе, — они всегда находили общий язык. Сашка был счастливо женат, имел двоих несовершеннолетних детей, трудился на заводе в должности начальника одного из цехов и вот уже несколько лет занимался в качестве хобби собаководством.

— Как скажешь, папочка, — покладисто согласилась Надежда Сергеевна и принялась собирать со стола грязную посуду.

4.

Сказано — сделано: в тот же вечер Никита позвонил Куролесову. Договорились, что назавтра в шесть тот подъедет с тремя щенками. Надежда Сергеевна по этому поводу испекла пирог с луком и налепила вареников.

С самого утра Никита Кузьмич пребывал в приподнятом настроении. Он устроил в углу в гостиной лежанку для щенка, заказал в Интернете поводок, корм и прочие атрибуты собачьего быта. Без пяти шесть раздался звонок в дверь.

– Приехал! – радостно провозгласил Никита Кузьмич и собственной персоной отправился в прихожую открывать.

Щелкнул замок. Никита распахнул дверь и замер в удивлении: перед ним стояла незнакомая, совсем юная девушка довольно высокого роста. Одетая она была в длинное, до пят, джинсовое платье с цветными вставками и крошечную кожаную курточку. За плечами висел большой холщовый рюкзак. На свежем розовом личике весело поблескивали зеленые глаза. Но главное – ее волосы! Невероятная кудрявая грива ярко-рыжего цвета. Никите показалось, что он попал в детский мультфильм, настолько нереальной и сказочной была стоящая перед ним незнакомка.

– Вы к кому? – в недоумении уставился он на девушку.

– Мне нужен Никита Кузьмич Авдеев. – Голос у нее был дивной красоты – грудной, мелодичный, словно окутывающий мягкой вуалью.

– Это я. – Никита окинул девицу еще более удивленным взглядом. – Что вы хотели?

– Можно я войду? – довольно бесцеремонно поинтересовалась рыжая.

— Ну... входите, — растерянно пробормотал Никита Кузьмич и отодвинулся в сторону, выпуская незваную гостью в прихожую.

— Никит, вы что в коридоре... — Надежда Сергеевна вышла из кухни и осеклась. — Это кто?

— Я сейчас вам все объясню. — Рыжая захлопнула дверь, быстро скинула матерчатые кеды и осталась стоять посреди прихожей в полосатых красно-желтых носках. — Вы только не пугайтесь. — Она взглянула на Надежду Сергеевну и сняла рюкзак.

— Что такое? В каком смысле не пугайтесь? — та слегка побледнела и на всякий случай взяла мужа за локоть.

— В прямом. То, что я скажу, возможно... будет не слишком приятно для вас.

— Да говорите же, черт возьми! — вскипел Никита Кузьмич. — Быстрее, или я выставлю вас вон.

— Дело в том, что я... я — ваша внучка! — Рыжая выпалила это одним махом, словно в воду нырнула.

— Кто?? — хором воскликнули Никита Кузьмич и Надежда Сергеевна.

— Внучка, — спокойно повторила девица. — Никита Кузьмич мой дедушка.

— Да что ты врешь, бесстыдница! — Надежда Сергеевна схватилась за сердце. — Ступай отсюда с богом. Никита, выдвори ее.

— Погодите. — Рыжая сделала протестующий жест рукой и полезла в рюкзак. — Вот. — Она протянула супругам

какой-то листок, при рассмотрении оказавшийся бланком свидетельства о рождении, весьма потертым и помятым. — Видите, Свиристелкина Влада Леонардовна. Это я. А моя мать — Свиристелкина Анна Петровна.

— Ну и что? — угрюмо спросил Никита Кузьмич. — Какое это имеет ко мне отношение?

— Самое прямое. Моя мать не была замужем. Свиристелкина — ее девичья фамилия, и тоже по матери. Вы ведь помните Марию Свиристелкину? Помните? Вы были в командировке, в М. И у вас... — Она не договорила и, покосившись на Надежду Сергеевну, многозначительно хмыкнула.

Та, выпустив локоть Никиты Кузьмича, отступила на шаг и уперла руки в боки. Вид ее не предвещал ничего хорошего.

— Никит, что она несет, эта вертихвостка? Какая еще Свиристелкина?

Никита Кузьмич молчал, мрачно разглядывая тапочки.

— Вы должны ее помнить — Мария Свиристелкина. Она была пианисткой, играла на рояле в ресторане. Она любила вас. Когда вы уехали, у нее родилась дочь, Аня. Это моя мать. Ее уже два года как нет на свете. А бабушка умерла совсем недавно, месяц назад. Она всю жизнь рассказывала мне о вас. Так получилось, что в нашей семье не было мужчин. Мать росла без отца, я тоже. И вот мне захотелось исправить это. — Рыжая наконец умолкла и вопросительно уставилась на Никиту. Тот почувствовал, как багровеют кончики ушей.

— Так, — грозно проговорила Надежда Сергеевна. — Вот что, «внученька»! Шла бы ты отсюда подобру-поздорову. А нет — так я полицию вызову в два счета. Думаешь, мы старые, совсем из ума выжили? Мало ли вас тут ходит таких родственничков, объегоривают доверчивых пенсионеров. Ступай, тебе говорят, по-хорошему.

— Я не собираюсь вас объегоривать, — спокойно произнесла девушка. — Просто хотела взглянуть на деда. Бабушка про него столько хорошего рассказывала...

— Да замолчи ты! — не сдержавшись, крикнула Надежда Сергеевна. — Какой он тебе дед! Уезжай себе в М. и не суйся сюда больше.

— Надя, послушай, — неуверенно произнес Никита Кузьмич, — погоди. Ну что ты так сразу...

— Я? А ты что? Хочешь сказать, что она правду говорит? Про Свиристелкину? — тут же пошла в атаку Надежда Сергеевна. Никита понял, что лучше с ней сейчас не спорить, да и самому было неловко и стыдно.

...Вишь ты, откуда прилетело, откликнулось. Мария Свиристелкина, Маша. Помнил ли он ее? Да, разумеется, как не помнить. Давно это было, ох, давно. Лет за пятнадцать до инфаркта треклятого. Был Никита в очередной командировке, в городе М. Прорабатывал хороший контракт, жил в лучшей гостинице, обедал в ресторанчике при отеле. Там и встретил Машу — она по вечерам на рояле играла, развлекала публику. Вся такая неземная, худенькая, в блестящем платье до пола, с длинными, как у

русалки, волосами. Никита словно замороженный часами глядел на ее пальцы, порхающие по клавишам. Наконец не выдержал, встал и подошел к роялю.

— Скажите, вы замужем?

Она, не переставая играть, удивленно подглядела на него. Глаза у нее были неопределенного, дымчатого цвета, как ночь, полная любви.

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Спрашиваю, значит, нужно. — Никита почувствовал, как его переполняют радость и молодой, отчаянный задор.

В командировках у него не раз бывали романы, мимолетные, быстрые и красивые. Никита любил женщин, и не какой-то определенный тип, а разных — блондинок, брюнеток, шатенок, стройных и полненьких. Главное, чтобы были сговорчивые и веселые, не доставали потом звонками и письмами. Однако сейчас с ним происходило что-то совсем другое. Сердце отчаянно стучало в груди, к лицу прилила кровь.

— Когда вы освобождаетесь? — спросил он у девушки, и не узнал своего голоса, охрипшего и прерывистого.

— Не скоро, — просто сказала она, — ресторан до одиннадцати, а сейчас только девять.

— Ничего. Я подожду. — Он осторожно дотронулся до ее волос и тут же отдернул руку, точно она могла от прикосновения растаять и исчезнуть. — Я буду ждать, — повторил он тверже и пошел, не оглядываясь, к своему столику.

Он пил коньяк и слушал звуки рояля. Ему казалось, она играет для него одного, столько нежности и страсти было в этих звуках, столько силы в хрупких пальчиках. То ли от избытка алкоголя, то ли отчего-то еще, неведомого прежде, на глаза Никиты навернулись слезы...

Он дождался одиннадцати и увел ее в лунную осеннюю ночь, накинув ей на плечики дешевое пальтишко. Она не сопротивлялась, не спорила. Сказала только: «В номер не пойду, увидят, уволят с работы». Молча села в такси, послушно назвала адрес, так же молча вышла у подъезда старенького трехэтажного дома. Ее квартирка оказалась скромной, чистенькой и такой крошечной, что у Никиты снова сжалось сердце от щемящей нежности.

— Как тебя зовут?

— Маша. А вас?

— Никита... Никита Кузьмич. — Он сам не знал, зачем прибавил отчество.

Глупо. Глупо и совестно. А сердце продолжало колотиться, нашептывая: «Вот, вот оно, счастье. Настоящее, то, о котором мечтает каждый. Счастье мое, с дымчатыми глазами». Он робко обнял ее. Она на мгновение прижалась к нему, доверчиво, всем телом, потом слегка отстранилась.

— Вы женаты?

Обычно Никита никогда не врал. Зачем? Надю он любил и никогда бы не бросил. Он предпочитал сразу расставить точки над «и»: семья — это одно, а мимолетный

роман – совсем другое. Но сейчас слова застряли у него в горле. Глядя в ее бездонные, манящие глаза, он молчал, сглатывая невесть откуда взявшуюся слюну. Она смотрела на него с ожиданием, и он наконец мотнул головой:

– Нет. В разводе.

– Неправда, – тихо шепнула она. – Я не верю вам. Впрочем... это не важно. По крайней мере сейчас. – Она положила руки ему на плечи.

Все вокруг задрожало и начало уплывать. В ушах звучала музыка из ресторана, превращая реальность в сказочный, волшебный сон...

Никита очнулся от воспоминаний и пристально поглядел на рыжую гостью, застывшую посреди прихожей. Ничего схожего с Машей, ни одной черточки. И лицо, и фигура – все другое. Та была хрупкая, нереальная, как беззвездная, призрачная ночь. А девушка, стоящая сейчас перед ним, выглядела солнечной, спелой и сочной, как свежий апельсин. Никита Кузьмич почувствовал, как на плечи давит каменная глыба, тяжело, страшно. Нет сил на дурацкие воспоминания. И Надя не поймет.

– Супруга права, – тихо, но спокойно проговорила он, глядя прямо в зеленые глаза девицы. – Вам лучше уйти. Я... я не знаю никакой Марии Свиристелкиной. Ступайте.

– Жаль. – Рыжая тряхнула кудрями. – Я думала, мы подружимся. Что ж, прощайте. – Она молча обула свои кеды.

Хлопнула дверь. Никита Кузьмич и Надежда Сергеевна остались стоять посреди прихожей, растерянно глядя друг на друга. Первая нарушила молчание жена.

— Вот ведь мошенников развелось. — Она приблизилась к мужу и ласково обняла его за плечи. — Пойдем, Никитушка. Тут дует из-за двери. Как бы снова радикулит не разыгрался.

Она увела Никиту в комнату. Он сумрачно молчал, погруженный в свои мысли. Через пятнадцать минут приехал верный Куролесов и привез трех забавных щенков. Надежда Сергеевна восторженно ахала, сновала из кухни в комнату и обратно, носила блюдечки с кормом и водой, то и дело дергая мужа за локоть:

— Никитка, смотри, какие милые! Хотя всех троих оставляй. Нет, ну до чего хороши!

Никита Сергеевич ожил, заулыбался. Неприятный эпизод из прошлого слегка поблек и перестал его нервировать. Сашка терпеливо ждал, пока супруги натешатся и выберут наконец щенка. Часа через два жарких споров, вздохов и охов, решили остановиться на старшем из трех, мальчике, черном, с белой грудкой. У него были умные и живые глаза-бусинки, он смешно и тоненько тявкал, когда его гладили по блестящей гладкой шерстке.

— Имя придумали? — спросил у стариков Сашка.

Никита Кузьмич скептически взглянул на щенка. Ни Лорд, ни Байрон ему совершенно не подходили — вид у малыша был далек от аристократического.

– Мамашка у него из настоящих, породистая, – сказал Сашка и потрепал щенка по загривку, – а вот отец подкачал, так что паспорта у него нет. Мать звали Шейлой.

– А он пусть будет... пусть будет Шоколад! – вдруг выпалила Надежда Сергеевна.

– Шоколад? – Куролесов с удивлением поглядел на нее, затем на щенка. Тот доверчиво взвизгнул. – А что? Идея. Ему идет.

– Верно. – Никита Кузьмич улыбнулся. – Он правда как шоколад. Темный шоколад с молочным пятнышком. Умница, Надюша, и как это тебе в голову пришло!

Надежда Сергеевна скромно потупила глаза, но вид у нее был чрезвычайно довольный. Куролесов засобирался домой и стал прощаться.

– Если что, звоните, я всегда на связи. Подскажу, как быть.

– Уж подскажи, дорогой, – поддакнула Надежда Сергеевна. – А то, не ровен час, вдруг захворает маленький или животик прихватит? Это ж как настоящий ребенок.

– Не бойтесь, они живучие. И прививки у него уже есть нужные. Так что главное, правильно кормить и гулять с ним два раза в день. – С этими словами Куролесов забрал двух других щенков и скрылся за дверью.

Надежда Сергеевна с умилением глядела на приобретенного питомца.

– Ты мой хороший! Шоколадка! Лапочка.

Щенок тихо и счастливо повизгивал и поровил тяпнуть ее за палец.

— Пойду, прогуляюсь с ним, — решил Никита Кузьмич. — Не то лужу нам тут напрудит. Надя, носи поводок.

На щенка надели ошейник с поводком, которые предусмотрительно принес Куролесов, а также купленный заранее красивый красный комбинезон, чтобы он не замерз. Никита Кузьмич взял щенка под мышку и вышел на лестничную площадку.

— Смотри, недолго, — крикнула ему вслед Надежда Сергеевна, — не то замерзнет.

Никита кивнул и зашагал вниз по лестнице со своего второго этажа.

На дворе сгущались осенние сумерки. Слышался звон трамвая, смех детворы и лай — собачники один за другим выходили на прогулку. Никита Кузьмич огляделся по сторонам — нет ли рядом какого-нибудь злобного пса — и осторожно спустил Шоколада на землю. Тот сразу же ринулся в сторону и повис на поводке.

— Тихо ты, тихо, ну куда ж ты, дурачок, — ласково пожурил его Никита Кузьмич. — Ну что, куда пойдём? Давай на бульвар. — Он легонько потянул поводок, и щенок неожиданно послушно затрусил рядом.

— Какой хорошенький! — раздался из темноты мелодичный голос.

Никита вздрогнул и остановился:

— Ты?

Черное облако души

- Я. – Рыжая стояла перед ним, белозубо улыбаясь.
- Зачем ты тут? Тебе же сказали, все бесполезно. – Никита Кузьмич хотел пройти мимо, но что-то заставляло его остановиться. Щенок нетерпеливо взвизгнул.
- Мне некуда идти, – просто проговорила девушка. – И денег нет на hostel. Я... я думала, вы меня приютите. Хотя бы на пару ночей.
- С какой это стати? Почему мы должны пускать в дом постороннего человека?
- Но я же не посторонняя. Я ваша внучка! Вы ведь любили Марию. Сильно любили.
- Никита Кузьмич вытер со лба внезапно выступивший пот.
- Любил...
- Ну вот. – Рыжеволосая снова улыбнулась, отчего на щеках у нее образовались симпатичные ямочки.
- Вот что. – Никита Кузьмич слегка подергал поводок. – Пошли, прогуляешься с нами. Расскажешь о себе.
- С удовольствием! – обрадовалась девушка.
- Они перешли дорогу и не спеша двинулись по бульвару.
- Я забыл, как тебя зовут.
- Влада.
- Странное имя. Я думал, такое только мужчинам дают.
- Не только. Мне оно нравится.
- Ну хорошо. Положим, ты и правда моя внучка. Зачем тебе Москва? Что ты будешь здесь делать?
- Я буду петь.
- Что? – Никита замедлил шаг. – Петь?

— Да. Я хочу стать джазовой певицей. Поступить в колледж на Ордынке, окончить его и выступать со своей группой. Стану известной, заработаю много денег. Позабочусь о вас.

— Ой-ой, позаботится она. — Никита Кузьмич скривил ехидную мину. — Да с чего ты решила, что можешь петь? Ордынка — это серьезное заведение, туда сложно поступить.

— А вы откуда знаете? — удивилась Влада.

— Знаю. Я в молодости сам джазом увлекался. На гитаре играл, даже хотел учиться профессионально, так что все про эту сферу знаю. К тому же обучение платное, стоит недешево.

— Вот об этом я и хотела поговорить, — спокойно произнесла Влада. — Мне нужны деньги, много. И крыша над головой. Не бойтесь, я вас не объем. Я уже нашла место, где можно подработать. На Арбате в переходе группа уличная поет, там солистка нужна. Обещали взять, так что заработок будет. Но не такой, как мне нужно.

Никита Кузьмич слушал и недоумевал. Неужели можно быть такой наглой и самоуверенной? Припереться в столицу из тьмутаракани, к фактически чужому человеку и рассчитывать, что он станет тратить на нее бабки?

— Ты это серьезно? — спросил он Владу.

— Серьезней некуда. Семестр уже начался. Дополнительный набор на внебюджет в конце сентября. Если пройду, сразу деньги понадобятся.

— А с чего ты решила, что у меня есть такие деньги?

— Ну дед, не забывай, сейчас время Интернета. Я, прежде чем ехать, немного пошукала в сетях, знаю, кто ты таков, как живешь.

Никиту Кузьмича кольнуло слово «дед» и обращение на «ты».

— Никакой я тебе не дед! И не смей тыкать. Ты мне чужая, слышишь, чужая! Я вообще зря с тобой разговариваю. Правильно Надя сказала, надо было полицию вызвать.

— Ну так вызывайте. — Влада остановилась и скрестила руки на груди. — Давайте, звоните! Сдайте меня ментам. Я — вот она, не убегу.

Никите стало стыдно. Перед глазами снова возникла Маша, их последняя ночь в ее крохотной квартирке. Они лежали, тесно обнявшись, на старенькой скрипучей тахте. Он физически ощущал, как бежит время — минута за минутой, час за часом. А впереди утро и поезд в Москву. Нужно было принять решение. Если он уедет, то уже никогда больше не вернется в М. Ездить туда-сюда, обманывать обеих, и жену, и Машу — нет, на такое он не способен. Стало быть, два варианта — либо уехать отсюда бесповоротно, либо так же бесповоротно остаться и круто изменить свою жизнь. Настолько круто, что круче не бывает.

Маша тихо прижималась к его боку, ее нежные пальчики гладили его лоб, ерошили волосы. Она ничего не говорила, ни о чем не спрашивала, но Никита знал, что

она ждет, и внутри у нее все сжимается от боли и страха. Однако он не мог решиться.

За окном стало белеть. Никита глубоко вздохнул и обнял Машу, с силой прижал к себе. В горле у него застыл спазм. Она все поняла. Замерла у него в объятиях, словно превратившись в безмолвную птичку, и от этого — от ее безропотности, покорности — ему было еще горше. Лучше бы она кричала, плакала, расцарапала ему физиономию. Но нет, она целовала его все с той же нежностью, и даже в ее дымчатых глазах не было ни слезинки...

— Почему она не написала мне? — хрипло спросил Никита.

— Кто не написал? — не поняла Влада.

— Маша. Почему не сообщила, что ждет ребенка?

Она пожала плечами.

— Откуда мне знать? Может, не хотела, из гордости. А может, не знала, куда писать. Ты разве дал ей адрес?

Никита грустно покачал головой.

— Не дал.

— Вот видишь, а спрашиваешь. Да если бы она и написала, разве ты бы приехал? Что-то бы изменилось?

— Не знаю. Возможно. А впрочем... нет... не надо об этом. Тебе все равно не понять.

— Куда мне, — с легкой иронией проговорила Влада, подумала чуть-чуть и взяла Никиту за руку. От ее прикосновения ему вдруг стало тепло и спокойно. — Давай не будем

ссориться. Если тебе неприятно, я могу не называть тебя дедом и говорить «вы».

– Да ладно, зови как хочешь, – вздохнув, сдался Никита Кузьмич. В это время Шоколад громко затыкал на проходящую мимо таксу, до предела натянув поводок. – Фу, Шоколад! Тихо! Фу! – Никита вернул щенка обратно к ноге.

– Шоколад? – засмеялась Влада. – Прикольное имя. И сам он прикольный.

Никита Кузьмич заметил, что она ежится на ветру. Легкая куртка совсем не защищала от сентябрьского вечернего холода.

– Пошли домой, – предложил он. – Холодно. Да и поздно уже.

– А ваша жена? Она не выгонит меня?

– Не знаю. – Никита улыбнулся. – Надеюсь, что нет.

Влада потрянула рыжими кудрями:

– Ну идем.

5.

Надежда Сергеевна открыла дверь, и брови ее нахмурились:

– Опять? Никита, ты зачем?

– Надюша, я все потом тебе объясню. Дай нам войти.

Надежда Сергеевна приготовилась к атаке, но в это время щенок протиснулся мимо ее ног в прихожую, оставляя на чисто вымытой плитке грязные следы.

— Ах ты, негодник! — крикнула она и подхватила его на руки. — А ну пойдем мыться! — С этими словами она унесла щенка в ванную, а Никита Кузьмич и Влада беспрепятственно зашли в квартиру.

— Раздевайся, — велел он девушке, — будем ужинать.

Он сам себе удивлялся. Радикулит как рукой сняло, ничего не болело, напротив, все тело переполняла кипучая энергия. «Это все щенок», — сказал себе Никита Кузьмич, однако в глубине души ему было ясно, что щенок тут совершенно ни при чем. Виновницей его хорошего настроения, без сомнения, стала рыжеволосая Влада, похожая одновременно на солнце и на любимый им с детства спелый сочный фрукт — апельсин.

Надежда Сергеевна вышла из ванной, спустила щенка на пол, и он тут же умчался в комнату.

— Надюш, что у нас сегодня на ужин? — преувеличенно бодро спросил Никита Кузьмич.

Влада тем временем снова сняла кеды и смотрела на хозяйку дома с ожиданием.

— Господи, — вздохнула Надежда Сергеевна, — ну что ты будешь делать! Ох, Никитушка, заплатимся мы за твою доверчивость, помяни мое слово... Вареники с обеда остались, ну и я еще голубцов навертела ленивых. — Она мах-

нула рукой и ушла в кухню. Оттуда донесся яростный звон тарелок.

— Ну что ты стоишь? — Никита подмигнул Владе. — Беги, мой руки.

За столом царило напряженное молчание. Надежда Сергеевна, поджав губы, разложила голубцы по тарелкам, разлила подливку, поставила тарелочку с хлебом.

— Если кому сметаны, то я положу.

— Мне, если можно, — подала голос Влада.

— Отчего ж нельзя. — Надежда Сергеевна все с той же кислой миной пожала плечами, залезла в холодильник, достала банку с рыночной сметаной и плюхнула Владе целую ложку.

— Ой, объедение! — Та причмокнула языком. — Так вкусно! Вы отличная хозяйка.

— Спасибо, я знаю, — сдержанно отозвалась Надежда Сергеевна.

— Послушайте, — Влада вскинула на нее зеленые глаза, на дне которых притаились золотые искорки-смешинки, — вы, наверное, злитесь на мужа. Это понятно.

— Ничего я не злюсь, — пробормотала Надежда Сергеевна и покраснела.

— Злитесь, злитесь. Ведь он вам изменил.

— Глупости все это. Я тебе не верю. Не было никакой Свиристелкиной, ты это все выдумала, чтобы попасть в наш дом.

— Но ведь дед признает, что это было!

— Не смей называть его дедом! — Надежда Сергеевна стукнула кулаком по столу, так, что голубец подпрыгнул в тарелке.

— Ладно, ладно. — Влада примирительно замахала руками. — Он мне сам разрешил, между прочим. Но раз вам это неприятно, то не буду.

Она принялась за еду. Надежда Сергеевна сидела красная как рак. Никита Кузьмич решил разрядить обстановку.

— Может, ты нам споешь после ужина? — спросил он у Влады.

— Спеть? — Она поглядела на него с хитрым прищуром. — Легко.

— Ну вот и славно. — Никита покосился на щенка, опустошавшего миску. — Мы все с удовольствием послушаем. И Шоколад тоже.

— Что еще за пение? — проворчала Надежда Сергеевна, однако больше ничего не сказала.

После чая Влада помогла ей перемыть посуду и убрать со стола. Никита ждал их в гостиной, Шоколад притулился у него на коленях и сладко посапывал. Никита думал о том, что станет говорить жене, когда они останутся наедине. А надо ли что-то говорить? Столько лет прошло. Надя всегда была в курсе его романчиков, но мудро помалкивала, делая вид, что ничего не замечает. И сейчас подуется, посердится да и простит. Даже преступления, и те прощают за давностью лет...

— Что вам спеть? — Влада стояла на пороге, и ее щеки, и без того румяные, после сытного ужина пламенели, как маки. Надежда Сергеевна протиснулась из-за ее спины в комнату и села рядом с Никитой Кузьмичом.

— Давай что-нибудь из Кристины Агилеры, — потребовал тот.

— Ого! — Влада кинула на него одобрителный взгляд. — Вам нравится Агилера?

— Нравится.

— Ну окей. Я тоже ее обожаю, хоть это и не джаз. — Она достала телефон и включила минусовку.

Никита Кузьмич с интересом смотрел на нее, слушая знакомые звуки вступления. Это была его любимая песня. Страстная и драматичная, она никогда не оставляла его равнодушным. Влада, привычно уже, тряхнула рыжей гривой и запела. Никиту аж подбросило. Какой голос! Полный, сильный, удивительного, бархатистого тембра. Особенно чисто и красиво звучал нижний регистр. «Видимо девчонке передался музыкальный дар от бабушки», — подумал Никита Кузьмич. Маша была необычайно талантлива и слух имела превосходный. Он незаметно взглянул на Надежду Сергеевну. Та была равнодушна к эстрадно-джазовой музыке, ей нравились только песни военных лет в исполнении Шульженко. Но сейчас было видно, что и ее проняло. Она не отрывала глаза от девушки, ее лицо прояснилось и разгладилось. Влада спела последний вокализ и умолкла.

— Bravo! — Никита Кузьмич захлопал в ладоши. Надежда Сергеевна не удержалась и тоже захлопала, но тут же смутилась и потупила взгляд.

— У тебя отличный голос. — Никита Кузьмич встал с дивана и подошел к Владе. — Ты, без сомнения, поступишь в училище. Дураки они будут, если тебя не возьмут.

— Но деньги, — тихо произнесла та, — деньги-то все равно придется платить. Где их взять?

— Об этом не переживай. Я что-нибудь придумаю. — Никита похлопал ее по плечу. — Спой еще.

— Вам правда нравится? — просияла Влада.

— Еще как! И Надежде Сергеевне тоже. Верно, Надюша?

— Верно, — с улыбкой, хотя и сдержанной, подтвердила та.

— Хорошо, я вам спою бабушкину любимую. Вряд ли вы ее когда-нибудь слышали, это мало исполняют. Вот. — Влада ткнула пальцем в телефон.

Послышались нежные звуки флейты, ей вторила скрипка. Мелодия дошла до верха и оборвалась. Наступила напряженная пауза. Перед глазами Никиты явственно встал зал ресторана, рояль, хрупкая девушка в длинном платье... и тут же он услышал серебристый голос Влады. Он нежно и ясно вплетался в инструментовку, цепляя самые потаенные струны души Никиты, лился, как бирюзовый и чистый ручей, смывая все горькое, тоскливое, само

безжалостное время... Никита почувствовал, как к горлу подступают слезы, и скрипнул зубами.

Музыка кончилась так же внезапно, как и началась. Никита, потрясенный, не мог вымолвить ни слова. Наконец он глубоко вздохнул.

– Великолепно! Кто автор этой композиции?

– Ты все равно его не знаешь. – Влада улыбнулась. – Я рада, что вам понравилось. – Она спрятала телефон и неожиданно широко зевнула. – Простите, спать хочется. Устала как собака за день.

– Так ложись и отдыхай, – засуетился Никита Кузьмич. – Надюша, ты постелишь?

– Постелю. Пусть ляжет у тебя в кабинете, я туда раскладушку поставлю. Ты ведь не против? – Она в первый раз за вечер посмотрела на Владу без злости.

– Я только за, – согласно кивнула та. – Можно в душ?

– Можно, – разрешила Надежда Сергеевна. – Полотенце возьмешь на полке в шкафчике.

Влада снова кивнула и скрылась в ванной, откуда сразу же донесся шум воды. Никита вопросительно взглянул на Надежду Сергеевну.

– Ну? Что ты на меня смотришь? – усмехнулась та. – Старый ты развратник. И не стыдно тебе? Может, у тебя много таких внучек?

– Нет, только одна. – Никита ласково обнял жену. – Но зато какая! Чудо девушка. А какой талант!

— Другая на моем месте выгнала бы вас обоих на улицу, — проворчала Надежда Сергеевна. — Стыд какой — на старости лет такое узнать!

Однако Никита видел, что она больше не сердится. Влада ей понравилась, как и ему самому. Ну что с того, что она немного поживет у них? Будет петь им по вечерам, а днем гулять по бульвару с Шоколадом. Опять же, поможет Наде по хозяйству.

— Ты у меня самая лучшая, — нежно сказал Никита Кузьмич и обнял жену. — Пошли спать.

Уже в спальне, переодевшись в халат и включив лампу для чтения, Никита услышал, как хлопнула дверь ванной. «Ну, русалка, — с добродушной насмешкой подумал он, — плещется в душе полчаса».

— Да, — раздался из коридора приглушенный голос Влады. — Да, у меня все в порядке. Все окей. Целую.

«С кем это она? — полюбопытствовал Никита. — Мать-то, по ее словам, умерла, бабушка тоже. Может, уже парень есть? Наверняка — у такой-то красотки». Он вдруг почувствовал укол ревности. Ему захотелось, чтобы у Влады не было никакого парня, и вообще никого из близких и друзей. Пусть он будет ей самым близким и нужным, никем не заменимым. С этими мыслями он залез под одеяло, раскрыл томик Драйзера, но чтение не заладилось. Глаза слипались, в голове роился целый ворох воспоминаний, слегка ныло сердце. Никита погасил лампу, повернулся на бок к стенке, и вскоре его сморил крепкий сон.

6.

Ему снилась Маша. Ее невероятные глаза, нежные улыбающиеся губы. Он целовал руки, щеки, волосы, всю ее целовал, с неистовой страстью, даже с исступлением. Была ночь, шел снег, голубые снежинки кружились под тусклым светом желтых фонарей, и не было вокруг ни единой души, ни звука, ни шороха. Никита выпустил Машини руки, слегка отстранил ее от себя. Она молчала, легонько покусывая губы.

– Наконец я нашел тебя, – шепотом проговорил Никита. – Как я виноват! Виноват, что не решился, уехал, бросил тебя. Но и ты хороша – скрыла от меня, что будет ребенок. Как ты могла?

– О чем ты? – Маша посмотрела на него с недоумением. – Какой ребенок?

– Ну как же? Девочка, Аня. Моя дочь. – Он хотел обнять ее снова, но она выскользнула из его рук.

– Ты что-то путаешь, Ник. Я... я... – Ее лицо вдруг сморщилось, губы скривились, из глаз выкатились две крупные слезинки.

– Не плачь, милая! Не надо плакать, я ни в чем тебя не виню. Я люблю тебя. Любил всю жизнь и только теперь понял это.

Он хотел вытереть слезы с ее лица, но пальцы скользнули в пустоту. Прекрасное видение таяло на глазах, рассеиваясь по снежной ночи. Миг – и перед его глазами

осталось лишь черное небо с золотым тонким серпом луны.

— Маша! — крикнул Никита и проснулся...

Со сна ему показалось, что он не дома, а в той убогой квартирке в М. Он вздрогнул, облизал пересохшие губы, повернулся и увидел Надежду Сергеевну. Та сидела на кровати и с тревогой глядела на него.

— Что, батюшка, сердце? Ты так стонал во сне. Я уж хотела «Скорую» вызвать.

— Сердце? — хрипло переспросил Никита Кузьмич и вытер со лба холодный пот. — Да нет. Все в порядке, не бойся. Сколько времени? — Он покосился на темное окно.

— Шестой час, — сказала Надежда Сергеевна, глянув в телефон, и зевнула. Никита Кузьмич кряхтя сел на кровати и свесил ноги на пол.

— Ты куда? Рано еще. Поспи.

— Пить хочется. Пойду попоью.

— Там компот в холодильнике.

— Я лучше просто воды.

Надежда Сергеевна кивнула и легла под одеяло. Никита Кузьмич, шаркая тапками, вышел в коридор и побрел в кухню. Проходя мимо кабинета, он невольно прислушался, но из-за двери не доносилось ни звука. «Спит, — подумал Никита о Владе. — Конечно, спит, в ее возрасте все долго спят». Он толкнул кухонную дверь и вздрогнул: в темноте за столом белел силуэт. Никита Кузьмич дрожащей рукой нашарил выключатель.

Вспыхнувшая люстра осветила Владу в коротенькой ночной рубашке, склонившуюся над телефоном. В ее ушах были наушники. Она растерянно смотрела на Никиту Кузьмича.

– Ты чего здесь? – Он подошел к столу.

– Музыка слушаю. Думаю спеть эту композицию. Хочешь тоже послушать? – Она, не дожидаясь ответа, сняла наушники и воткнула их в уши Никиты. Его тут же оглушила дробь барабанов. – Ну как? – спросила Влада минуту спустя.

– Ничего, – неуверенно выдавил Никита Кузьмич. – А зачем ночью этим заниматься? Да еще на кухне.

– Мне не спалось. Захотелось чаю. Я выпила и решила позаниматься немного. Я почти все время что-то слушаю. Не могу без этого. – Она обезоруживающе улыбнулась.

Только тогда Никита Кузьмич заметил на столе чашку с недопитым чаем. Он сел рядом с Владой, аккуратно сняв с себя наушники.

– Расскажи о бабушке, ну, о Марии. Как она жила?

– Хорошо жила. Уроки частные давала.

– Одна? Ну, в смысле, без мужа?

– Мужа не было. Но имелся мужчина. Хороший. Они много лет жили вместе.

Никита Кузьмич нахмурился и замолчал. Потом не выдержал и снова поинтересовался:

– Как хоть она выглядела? У тебя есть фотографии?

– Нету. Бабуля не любила фоткаться. Говорила, в молодости красавица была, а сейчас старое чучело.

Никита Кузьмич невольно улыбнулся:

— Так и говорила?

— Ага.

— Это бабушка научила тебя петь?

— Она.

— Я сразу так и подумал. — Никита вздохнул и мечтательно поднял глаза к потолку.

— Дед, — тихонько окликнула его Влада.

— Что?

— Почему ты уехал тогда? Ты ж ее любил.

— Много ты понимаешь. — Никита Кузьмич решительно встал, налил воды в стакан и залпом выпил. — У меня в Москве семья была, жена, дети.

— Дети-то уже, поди, большие были к тому времени. — Влада посмотрела на него с ехидством.

Никита опустил голову.

— Ну да, не маленькие, но все равно, семья есть семья. Тебе этого сейчас не понять.

— А если не понять, так чего спрашиваешь про бабушку? Не все ли равно, как и с кем она жила? — резко проговорила Влада.

— В этом ты права, — согласился Никита. — Должно быть все равно. Но... получается, что нет. — Он потерянно развел руками.

— Ладно, — миролюбиво произнесла Влада. — Не будем опять ссориться. Где твоя жена?

- Ее зовут Надежда Сергеевна, пора бы запомнить.
- Хорошо. Где Надежда Сергеевна?
- Спит.
- Вовсе я не сплю, – раздался голос с порога.

Никита Кузьмич и Влада встрепенулись. Надежда Сергеевна в длинном байковом халате стояла в дверях и смотрела на них. Лицо ее было спокойным и незлым.

– Вот ведь полуночники. Не спится им. Может, вам яишенки? С колбаской и с помидорами? А?

Никита и Влада переглянулись и дружно закивали.

7.

«Осень. День стремительно уменьшается, и вдруг откуда ни возмись на город падают сумерки. После шести вечера в окно уже ничего не видно, лишь тусклые, желтые фонари горят звериными глазами, нагоняя тоску. Осенью у меня начинают болеть ноги. Черт его знает, отчего – то ли дают знать о себе старые раны, то ли просто организм хандрит, предчувствуя скорую зиму. Позади лето, маленькие скромные радости, впереди почти пять месяцев холода и темноты. И одиночества. Одиночество страшней всего – страшней холода, страшней изматывающей боли в опухших лодыжках.

Я стараюсь об этом не думать, просто сижу и считаю петли: две лицевые, одна изнаночная. Но мысли в голове

живут своей жизнью. Они упорно стремятся вернуть меня в прошлое, куда я ни в коем случае не хочу возвращаться. И тогда я достаю из серванта старую потрепанную тетрадь в зеленой обложке. Когда-то давно, в незапамятные времена, я стала записывать в нее все, что со мной происходит, все свои мысли, чувства, переживания. И до сих пор пишу иногда. Надо давно выкинуть эту тетрадь, а лучше – сжечь. Но я упрямо храню ее на полке в серванте, чтобы изредка, когда станет совсем невмоготу, вот как сейчас, открыть потертую обложку и перелистать пожелтевшие листки в клеточку, исписанные круглым, полудетским почерком.

«...Это был сентябрь. Точнее, конец сентября, и шел дождь. Первый по-настоящему осенний дождь, долгий и какой-то безнадежный. И мне казалось, что он уже никогда не кончится. Я представляла себе, как выйду на улицу после работы, и дождевой поток смоев меня, растворит в серой пелене и унесет с собой. Далеко-далеко, в свою дождевую страну, где никогда не бывает солнца. Мне было так грустно и хотелось, чтобы этот долгий день наконец ушел в прошлое, стал обычным домашним вечером, а затем уютной ночью, когда можно будет поплакать в подушку и уснуть в сладких розовых мечтах.

И тут я заметила на себе этот взгляд. Невероятный взгляд, от которого я сразу перестала клевать носом, взбодрилась. И дождь за окнами вдруг перестал лить, точно по мановению волшебной палочки. Все изменилось вокруг,

из бессмысленного, серого и тоскливого стало теплым и радостным. И я уже знала, что будет дальше. Все знала, до самого конца.

Он подошел и о чем-то заговорил, кажется, спросил, не замужем ли я. Я почти ничего не слышала, меня накрыло волной счастья. Все то время, что он стоял рядом со мной, я мучилась одной-единственной мыслью: почему это не случилось раньше? Отчего должно было пройти столько серых, дождливых и одиноких дней? Ведь он должен был прийти сюда и заговорить со мной. Это было назначено нам где-то там, высоко на небесах, и не подлежало сомнению».

...Зачем я читаю это? Зачем растравливаю себе душу? Мое сердце давно окостенело, оно не чувствует боли, как израненные ноги, как переломанная спина. В этой жизни за все надо платить, и я заплатила высокую цену за всего-то неделю безграничного, почти безумного счастья. Короткий и страшный миг разделил мою жизнь на до и после. До — это юность, любовь, упоительные мечты, после — старая скрипучая инвалидная коляска и мертвенный холод одиночества. Между ними адский, ледянящий душу скрежет, грохот, несущийся навстречу, и сокрушительный удар...

Ну и хватит об этом! Лучше сосредоточиться и считать петли. Это куда более полезное занятие, нежели думать о всяких глупостях...

Мой внутренний диалог с самой собой прерывает звонок в дверь. Я поспешно прячу дневник и еду в прихожую,

открывать. Это пришла Галка. Почему-то вместо бананов она принесла мне сегодня маленькие, бледно-желтые груши из сада своей бабушки. Я не люблю груши. Их часто дают в больнице на полдник — именно такие, маленькие, желтые, с красноватым боком. А больниц в моей жизни было великое множество. Но Галке ведь этого не объяснишь.

— Я помою? — Она вопросительно смотрит на меня и трясет прозрачным пакетом.

— Мой.

Она бежит на кухню. Оттуда доносится шум воды и веселый Галкин голос, фальшиво напевающий какую-то песенку. Потом она появляется в комнате с миской в руках, полной груш.

— Ешьте. — Она ставит миску передо мной на старый, потрескавшийся деревянный стол. Я обреченно беру грушу, надкусываю чуть зарумянившийся бочок. — Почему вы так мало связали сегодня? — Галка кивает на темно-зеленый шарф, свешивающийся с моих коленей на пол, как длинная тощая крокодила. Вчера он был почти такой же длины, как и сегодня, а должен был стать длиннее раза в два. Я виновато пожимаю плечами.

— Не знаю. Я... я задумалась.

— О чем? — тут же интересуется Галка. Ее карие глаза с золотистыми искорками вокруг зрачка смотрят на меня пристально и внимательно. Я молчу, не зная, что ей ответить. Галка больше ни о чем не спрашивает. Она берет из